

Ляпина Светлана Митрофановна

ТИПОЛОГИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ ВС. С. СОЛОВЬЕВА "ЦАРЬ-ДЕВИЦА"

В статье рассмотрены особенности изображения женских персонажей в историческом романе Вс. С. Соловьева "Царь-девица". Используя принцип типизации, который учитывает функциональные особенности женщины в социуме и связан с существованием рода, мы выявили несколько типов женских образов: женщина-мать (основательница рода), женщина-труженица (хранительница рода), женщина-воин (защитница рода).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/2-1/29.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 109-112. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

8. Carney R. N., Levin J. R. Do Mnemonic Fade As Time Goes by? Here's Looking Anew! // Contemporary Educational Psychology. 1988. Vol. 23 (3). P. 276-297.
9. Carney R. N., Levin J. R. Mnemonic Instruction with a Focus on Transfer // Journal of Educational Psychology. 2000. Vol. 92 (4). P. 783-790.
10. Erten I. H., Tekin M. Effect on Vocabulary Acquisition of Presenting New Words in Semantic Sets Versus Semantically Unrelated Sets // System. 2008. Vol. 36 (3). P. 407-422.
11. Oxford R. L. Language Learning Strategies: What Every Teacher Should Know. N. Y.: Newbury House, 1990. 342 p.
12. Roediger H. L. The Effectiveness of Four Mnemonics in Ordering Recall // Journal of Experimental Psychology: Human Learning and Memory. 1980. Vol. 6 (5). P. 558-567.
13. **Second Language Vocabulary Acquisition** / ed. by J. Coady, T. Huckin. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 312 p.
14. **Teaching English as a Second or Foreign Language** / ed. by M. Celce-Murcia. 3rd ed. Boston, MA.: Heinle ELT, 2001. 584 p.
15. Thompson I. Memory in Language Learning // Learner Strategies in Language Learning / ed. by A. Wenden, J. Rubin. Englewood Cliffs. N. J.: Prentice-Hall, 1987. P. 43-56.

MNEMONIC METHODS IN TEACHING FOREIGN VOCABULARY

Lopatin Maksim Aleksandrovich

Ural State University of Railway Transport

maxandart@rambler.ru

The article considers the problem of using mnemonic methods to study vocabulary in foreign language classes. The overview of English-language publications on this issue is given. The advantages and disadvantages of mnemonics, used for studying new foreign words, are shown. The conclusion about the necessity of its use in the contextual study of vocabulary is made. It is stated that the choice of specific methods depends on the level of trainees' knowledge.

Key words and phrases: mnemonic methods; language mnemonics; spatial mnemonics; visual mnemonics; verbal mnemonics; method of physical reactions.

УДК 82.0

Филологические науки

В статье рассмотрены особенности изображения женских персонажей в историческом романе Вс. С. Соловьева «Царь-девица». Используя принцип типизации, который учитывает функциональные особенности женщины в социуме и связан с существованием рода, мы выявили несколько типов женских образов: женищина-мать (основательница рода), женищина-труженица (хранительница рода), женищина-воин (защитница рода).

Ключевые слова и фразы: русский исторический роман; принципы типизации; историко-культурный тип; образ женщины; образ Московской Руси.

Ляпина Светлана Митрофановна

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина

sveta-ship@mail.ru

ТИПОЛОГИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ ВС. С. СОЛОВЬЕВА «ЦАРЬ-ДЕВИЦА»[©]

Главенствующая роль мужчин в политике связана с историческими традициями политической культуры, укоренившимися как в деятельности политических институтов, так и в сознании людей. В частности, в Московской Руси XVII века патриархальность была неотъемлемой частью общественного устройства. Мужчина, отец, был главой рода и хозяином судеб подчиненных ему людей. Царь же являлся отцом для всех своих подданных, а «отец» – это, несомненно, мужчина. К тому же до вступления на престол Петра I царь рассматривался, прежде всего, как сакральная фигура, «икона Бога», стоящая на страже православного благочестия и традиционных общественных устоев.

Одна из дочерей царя Алексея Михайловича – Софья Романова (1657-1704) нарушила эти веками складывавшиеся традиции, решила стать во главе Московского государства, за что и была осуждена современниками и большинством ученых-историков, придерживающихся патриархальных и пропетровских убеждений.

Однако талантливый русский писатель Всеволод Сергеевич Соловьев (1849-1903) избрал именно царевну Софью главной героиней своего исторического романа «Царь-девица» (1878) и воплотил в ее образе черты, присущие Московской Руси конца XVII века.

Исследуемый нами роман посвящен событиям смены эпох, «закату Московского царства», времени коренных изменений в русской истории, связанных с приходом к власти Петра I [11, с. 11]. Произведение имеет одну яркую черту, которая заключается в *явном преобладании женских образов*. Героини романа – царевна Софья, сирота Люба Кадашева, помощница Софьи Родимица, царица Наталья и другие женщины – показаны активными, яркими личностями. Под пером Вс. Соловьева допетровская Русь представляется нам своеобразным «женским царством». Объяснить это только тем, что писателя «чаровали русские женщины» [6, с. 463],

значит уйти в сторону от истинного смыслового содержания текста. Толкование женских образов романа показывает, что в каждом таком женском образе представлена одна из сторон старой, допетровской Руси.

Е. В. Никольский, говоря о своеобразии женских образов в произведениях писателя о царском тереме, отмечает: «... в стенах терема долгое время... выростали новые поколения царских дочерей, а окружавшие их служители и служительницы, либо корыстные и коварные, либо предприимчивые, не упускавшие своей выгоды при соблюдении царских интересов, либо откровенные злодейки. Такие персонажи... типологически близки и повторяются из романа в роман» [8, с. 113].

Галерея женских образов романа Вс. С. Соловьева «Царь-девица» весьма разнообразна. Чтобы ярче выявить особенности каждого образа, соотнесем его с определенным *историко-культурным типом*. В литературоведческих исследованиях можно обнаружить различные принципы типологизации женских образов. Они отличаются способами типизации, соотнесенными с разными эпохами и литературными направлениями. Типы выделяются в зависимости от того, какие аспекты берутся за основу типизации: психологические, исторические, культурные или другие. Наиболее распространены несколько принципов типизации: первый – учитывает функциональные особенности женщины в социуме (женщина-мать, женщина-труженица, женщина-воин [4, с. 89]), второй – противопоставляет два типа, учитывая психологическую доминанту (амазонка – кроткая героиня [9]), третий – выводит на первый план религиозно-сакральный аспект («святая» – «ведьма» [Там же]).

По мнению Л. В. Рыжковой-Гришиной, в русской народной традиции «образ женщины несет в себе миротворческий и миропреобразующий смысл, призванный... выполнять (буквально – с первых дней творения) натурфилософскую задачу. В невообразимой глубине веков ее образ смыкается с Ладой-матушкой, Богородицей, покровительницей и заступницей человечества, защищающей его своим спасительным покровом» [10, с. 178].

Применительно к *русским* историческим романам наиболее уместным, на наш взгляд, будет использование первого принципа типизации: рассмотрение женских типов через социально-функциональную призму, связанную с существованием рода. Это положение можно распространить и на роман «Царь-девица», в котором мы выделяем следующие типы женских образов: женщина-мать (основательница рода), женщина-труженица (хранительница рода), женщина-воин (защитница рода).

Женщина-воин – это, безусловно, *Люба Кадашева*, с сильным характером, благородством, целеустремленностью. С ее образом связаны мотивы борьбы, предательства, смерти, страдания, патриотизма. Люба изображена в романе как обездоленная дворянская девушка, однако сиротство не уничтожило в ней природной жизнерадостности и целеустремленности. Автор с первых строк романа показывает ее незаурядной личностью: «Люба вышла девочка смышленная, но какая-то дикая... Ее природная любознательность не проходила равнодушно мимо явлений вокруг нее совершавшихся» [12, с. 233]. Нападки и побои со стороны домочадцев Люба переносила молча, но вела себя независимо и дерзко.

В образе Любы воплотились лучшие качества эпохи допетровской Руси. По мнению С. А. Васильевой, «героиня вся состоит из любви, но эта любовь, лежащая в основе ее мировосприятия, не избавляет Любу от многочисленных ошибок» [2, с. 141]. Она благородна, богобоязненна, чиста в своих помыслах, даже заблуждаясь, она заблуждается искренне, в ней нет лжи или коварства. Показательно, что после кровавого стрелецкого бунта Люба, узнав о причастности к нему Софьи, рассказала и ушла в монастырь. В образе разочарованной и покинувшей Софью Любы символически старая Русь уступает место новому времени, женщина-защитница рода терпит поражение. Уход Любы от мира – это уход от своего первоначального предназначения, отказ от борьбы со злом, от защиты своих близких и самой себя.

Образ женщины-труженицы воплотился в образе одного из наиболее ярких персонажей романа – постельницы *Родимицы*, исполняющей личные поручения царевны Софьи. Она находится всегда в движении, в работе, в постоянных конфликтах с жителями царского терема. Автор отмечает, что «она была вовсе не зла и не завистлива, только много бранилась и ссорилась с остальными царевнинными женщинами, особенно со старухами...» [12, с. 286].

Родимица принимает активное участие в стрелецком бунте, помогая Софье поднимать стрельцов на мятеж. Ей свойственна энергия, находчивость, оптимизм, преданность своей царице. Сама Софья говорит о ней так: «Да, Федорушка, служи, служи свою службу, а будет на нашей улице праздник, так я тебя не забуду... Побольше бы мне таких Родимиц!...» [Там же, с. 283].

Родимица представляет другую, но близкую к Любе, сторону образа Древней Руси. В ней воплотилась простая народная Русь, анархичная и своевольная. Она воплотила в себе образ степной, казачьей Руси, не случайно ее родина – степная окраина Руси. Образ Родимицы вобрал в себя наиболее яркие черты, присущие миру степи: свободолюбие, широту души, смелость, предприимчивость.

Несмотря на то, что царевна Софья проиграла борьбу с Петром за власть, предприимчивая Родимица оказалась бессильна помочь царевне. Софья щедро наградила и добровольно отпустила ее, что символизирует расставание Софьи-Руси с надеждой на волю и свободу. Родимица сохраняет функции хранительницы рода, но они реализуются в системе других обстоятельств. Ранее она защищала свою царевну, т.е. чужой род, теперь – свою семью, свой род.

В романе представлена оппозиция истинной хранительницы рода и ложной: постельницы Родимицы и царской мамки *Анны Петровны Хитрой*, в образе которой частично воплотились черты хранительницы (женщины-труженицы). Боярыня Хитрая также активно трудится, однако результаты ее труда всегда деструктивны, она не жалеет сил, способностей, времени, чтобы внести неразбериху в отношения обитателей царского терема. «Ее страстью было сеять всюду раздоры, поднимать всякие дразги, раздувать мелкие недоразумения в крупные обиды, ссоры, неприятности» [Там же, с. 304]. Для нее характерны показная набожность, коварство и склонность к интригам, двуличность, лживость.

Боярыня Анна Петровна представляет тот слой общества, который всегда услужливо обитал возле царского трона. Она вобрала в себе все отрицательные черты старой Руси, в ней проявились пороки старой русской знати, с которой так упорно боролся Петр I. Но у русской знати были и другие представители. Возле царского трона было место для честных, искренних и богобоязненных людей. В романе они нашли олицетворение в *царице Марфе*, которая воплощает третий тип женщин – основательниц рода.

Юная красавица, вначале попав под влияние хитрой Софьи, не стала орудием в ее руках. Проявив искреннюю любовь к мужу, Марфа жалела Нарышкиных, обреченных на вторые роли, пока ее муж Федор оставался царем. Все, что могла сделать царица, сводилось к любви к Богу и мужу. Это была «новая маленькая царица, которую Федор ласкал как прелестного ребенка, забывая при звуках ее милого голоса свои тяжкие страдания...» [Там же, с. 297]. Марфа являлась не столько женой, сколько матерью для своего мужа. Эта женщина не могла быть противником Петра по природе, так как черты характера делали ее безучастным свидетелем петровских реформ. В романе царицы Марфа и Наталья Нарышкина воплощают образы женщин-матерей, основательниц рода, которые проявляются в мотивах любви, добра, семьи, сострадания, заботы.

Царевна Софья синтезировала в себе все сущностные черты женских образов романа. В ее характере мы находим качества, свойственные Любе, Родимице, в ней коварство боярыни Хитрой, слабости царевны Марфы. И наоборот, другие женские образы репрезентируют отдельные черты характера Софьи. Софья – собирательный образ старой Руси, символизирующий как положительные (любовь, вера, надежда, смелость, решительность, трудолюбие), так и отрицательные (хитрость, коварство, властолюбие, жестокость) качества личности, отражающие черты эпохи. Не случайно царевна пользуется услугами основных женских персонажей, и все они объединены под ее началом. Однако попытка помешать Петру взойти на трон оказалась неудачной, ни одна из героинь не смогла противостоять молодому и энергичному царевичу.

Боярыня Хитрая, символ коварства, – главное орудие Софьи. Но старая боярыня ничего не смогла сделать с набирающим силу Петром. Хитрость и расчетливость придворных интриганов старой Руси не смогли остановить естественный исторический процесс, страна нуждалась в реформах и сильном царе.

Предприимчивая Родимица являет собой символ воли и свободы, но одновременно и символ расставания Софьи с надеждой на волю. Родимица также оказалась бессильна помочь царевне и уехала с мужем из Москвы с одобрения Софьи.

Царевна Марфа, символ покорности и равнодушия, разочаровала Софью своей пассивностью, богобоязненностью. Марфа, как и большая часть русской знати, заняла пассивную позицию в борьбе с Петром, она легко могла примкнуть к любой партии.

Люба – лучшее воплощение Софьи-Руси – воплощает собой символ любви, а также решительности, активности. Она понимает свои слабости и заблуждения, свою женскую природу и, несмотря на эмоциональность и целеустремленность, подчиняется новому порядку. После победы Петра ее удел – смириться и молиться о прощении грехов. Старая Русь, воплотившаяся в этом образе, действительно ушла с исторической сцены, уступила место новому порядку. Эта Русь, молящаяся в раскольнических скитах и крестьянских избах, затихла до времени.

Таким образом, личностные качества, воплотившиеся в женских образах романа, репрезентируют разные стороны характера Софьи, представляют различные ее ипостаси и символизируют общие характерологические особенности, присущие старой Московской Руси.

Центральное место женских образов в романе «Царь-девица» помогает увидеть в древней, допетровской Руси *особое женское начало*. То, что женские черты, такие как эмоциональность, страсть, а также пассивность, мягкость, доброта, были присущи допетровской Руси, отмечали многие историки и философы XIX – начала XX века. Идея женственности, характерной для России, была впервые сформулирована славянофилами, которые идеализировали «женственные» черты России, противопоставляя ее исконное «стремление к цельности бытия внутреннего и внешнего» – рационализму Запада [7, с. 38].

Эта мысль получила дальнейшее развитие в известной книге славянофила Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (1868). Данилевский видел в славянстве особый культурно-исторический тип, наделенный возвышенными, истинно христианскими чертами: «Самый характер русских и вообще славян, чуждый насильственности, исполненный мягкости, покорности, почтительности, имеет наибольшую соотнесенность с христианским идеалом» [3, с. 407, 408]. В своеобразии русского характера автор подчеркивал также те черты женского характера, которые бытуют в повседневном народном сознании и в составе традиционных представлений о мире. Более того, «само реформирование России описывается как акт насилия преобразовательного по своей сути (европейского, «мужественного») начала над началом охранительным, восстановительным (славянским, «женственным» – воплощенным в первую очередь в русском типе)» [5, с. 110].

Отец писателя С. М. Соловьев отмечал: «Легко отличаются два возраста народной жизни: в первом возрасте народ живет преимущественно под влиянием чувства; это время его юности, время сильных страстей...» [13, с. 415]. Смена возрастов, переход от эмоций и чувств (женственности) к настоящей работе, связанной с волей и усилием (мужественности) – все это было воплощено в романе Вс. Соловьева.

Идея о женственности народной Руси, «покоренной» Петром I, была очень популярной в среде русской интеллигенции конца XIX – начала XX в. Так, русский философ Н. А. Бердяев позже, в 1917 году, писал «о вечно-бабьем» в русском национальном характере. Он же в русской женственности видел анархизм – главную черту русского характера, женственного по сути, а не мужественного [1, с. 275].

И хотя Вс. С. Соловьев вряд ли был приверженцем славянофильства, идея женственности как специфической черты образа России была ему близка и, видимо, соответствовала представлениям писателя о русской национальной культуре, истории, психологии русского народа. По мнению Вс. Соловьева, женственной,

пассивной и эмоциональной России была нужна твердая, единодержавная форма власти. Писатель представил старую Русь в виде женских образов, символизирующих ее отрицательные и положительные черты. Приход к власти Петра I, насаждение европейской культуры, рассматривается Вс. Соловьевым как положительный факт, что отличает его взгляды от взглядов идеологов славянофильства.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1999. 736 с.
2. Васильева С. А. Символика имени в романе Вс. С. Соловьева «Царь-девица» // Историко-литературный сборник. Тверь, 2002. Вып. 2. С. 131-143.
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1995. 512 с.
4. Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990. 247 с.
5. Здравомыслова О. М. «Русская идея»: антинomia женственности и мужественности в национальном образе России // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 109-115.
6. Измайлов А. А. Литературный Олимп. М., 1911. 472 с.
7. Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. 559 с.
8. Никольский Е. В. «Бунташный век» и галантное столетие в романах Всеволода Соловьева (проблемы жанра, метода, аксиологии). Минск, 2013. 228 с.
9. Пакина Е. В. Типология женских образов в романах В. Скотта: автореф. дисс. ... к. филол. н. Нижний Новгород, 2004. 21 с.
10. Рыжкова-Гришина Л. В. «Свет княгиня»: отражение темы любви и женские образы в лирике Н. И. Тряпкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 5. Ч. 2. С. 178-180.
11. Седов О. В. Закат Московского царства. СПб., 2006. 604 с.
12. Соловьев Вс. Собрание сочинений: в 9 т. М., 2009. Т. 1. Княжна Острожская; Царь-девица: исторические романы. 496 с.
13. Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом // Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1990. С. 414-583.

TYPOLOGY OF FEMALE IMAGES IN NOVEL “TSAR-MAIDEN” BY VS. S. SOLOVYOV

Lyapina Svetlana Mitrofanovna

*Elets State University named after I. A. Bunin
sveta-ship@mail.ru*

The article considers the features of female characters representation in the historical novel “Tsar-Maiden” by Vs. S. Soloviyov. Using the principle of typification, which takes into account the functional features of women in socium and is associated with the existence of a family, the author of the article reveals several types of female images: a woman-mother (the founder of a family), a woman-toiler (the keeper of a family), and a woman-warrior (the defender of a family).

Key words and phrases: Russian historical novel; principles of typification; historical and cultural type; image of woman; image of Moscow Russia.

УДК 821.512.145

Филологические науки

В статье рассматривается комический компонент в татарском романе постсоветского периода. Отмечается, что пути развития татарской литературы рубежа XX-XXI вв. определяются социально-политическими изменениями в России. Анализ романов З. Хакима, Т. Миннуллина дает возможность проследить развитие гротескового начала. Доказывается, что парадокс превращается из художественного средства в способ видения и интерпретации явлений нравственной и социальной жизни. Делается вывод о том, что пародийно-иронический стиль у этих писателей выступает как способ осмысления актуальных явлений социальной действительности.

Ключевые слова и фразы: татарская проза; роман; пародия; антиутопия; гротеск; аллюзивная ирония.

Макарова Венера Файзиевна, к. филол. н.

*Набережно-Челнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов
makarova_vf@mail.ru*

**СИНТЕЗ СМЕХОВЫХ ФОРМ В ТАТАРСКОМ
САТИРИЧЕСКОМ РОМАНЕ 90-Х ГОДОВ XX ВЕКА ©**

Татарская литература рубежа XX-XXI вв. переживала период революционных изменений. Одним из ярких проявлений новых тенденций в прозе стало возвращение жанра антиутопии в татарскую литературу. Оно было напрямую связано с социальными и общественно-политическими изменениями в стране. В российском